

История Русской православной церкви в документальном наследии

УДК 271.2(09)

DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-63-71

Кампания по изъятию церковных ценностей в помощь голодающим на страницах газеты «Борьба» Балашовского уездного исполнительного комитета РКП(б) Саратовской губернии за 1922 год

Анастасия Г. Колдина

*Государственный архив Саратовской области,
Саратов, Россия, a.coldina@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы проведения кампании по изъятию церковных ценностей в помощь голодающему населению. Кампания осуществлялась с марта по май 1922 года параллельно с агитационной работой со стороны советской власти для подрыва авторитета православного духовенства в России, в том числе и в Саратовской губернии. Эти процессы хорошо прослеживаются в местной прессе тех лет, поскольку периодические издания активно использовались действующей властью в агитационно-политической работе. На страницах газеты «Борьба» Балашовского уездного исполнительного комитета РКП(б) развернулась политическая травля духовенства, умело завуалированная под борьбу с голодом и сбор необходимых средств. В газетных тиражах за март–июнь 1922 г. размещены не только сводки о ходе проводимой кампании, карикатуры и статьи, изобличающие духовенство в жадности и безучастности к трагедии народа, но и художественные материалы, имеющие своей скрытой задачей сформировать негативное отношение к христианской вере у населения. Христос преподносится как жестокое божество, безучастно созерцающее смерть своей паствы в голодных муках. Партийное руководство, не бросившее своих граждан в трудную минуту, рисуется на этом фоне спасителем. Происходит подмена идеалов.

Ключевые слова: религия, советская власть, советская пропаганда, отделение церкви от государства, церковные ценности, голод, комитет помощи голодающим, Саратовская губерния, Балашовский уезд

© Колдина А.Г., 2022

Для цитирования: Колдина А.Г. Кампания по изъятию церковных ценностей в помощь голодающим на страницах газеты «Борьба» Балашовского уездного исполнительного комитета РКП(б) Саратовской губернии за 1922 год // История и архивы. 2022. № 3. С. 63–71. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-63-71

The Church property seizure campaign
for famine relief on the pages
of the “Bor’ba” (“Fight”) newspaper of the RCP(b)
Saratov province Balashov County Executive
Committee during the year 1922

Anastasia G. Coldina

Saratov Region State Archives, Saratov, Russia, a.coldina@yandex.ru

Abstract. The article is about the basic steps of the church property seizure campaign for famine relief. The campaign was carried out from March to May, 1922, in parallel with the Soviet authorities' awareness-raising crusade to undermine the credibility of the Orthodox clergy in Russia, including the Saratov province. The local media of those years thoroughly reflected those processes, since the government of that time actively used periodic publications for its political outreach. In the pages of the newspaper “Bor’ba” of Balashov district executive committee of the RCP(b) unleashed political persecution of the clergy that was cleverly masked as a fight against the famine and collecting of necessary means. The March-June 1922 publications featured not only the reports about the course of the campaign, caricatures and articles accusing the clergy of greediness and indifference to people’s tragedies, but also some fictional formats that contained hidden messages to form a negative public response towards the Christian faith. Christ was pictured as a cruel God indifferently watching the death of his flock in starvation pains. The party leaders who did not abandon their citizens in difficult moments were presented as saviors. What was happening was a substitution of ideals.

Key words: religion, Soviet power, Soviet propaganda, church separation from the state, church properties, famine, Committee for Famine Relief, Saratov province, Balashov county

For citation: Coldina, A.G. (2022), “The Church property seizure campaign for famine relief on the pages of the ‘Bor’ba’ (‘Fight’) newspaper of the RCP(b) Saratov province Balashov County Executive Committee during the year 1922”, *History and Archives*, no. 3, pp. 63–71, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-63-71

Революционный переворот, постигший Россию в 1917 г., затронул не только политические аспекты, но и все сферы социальной жизни общества. Религиозные учреждения как идеологические конкуренты одними из первых столкнулись с притеснениями действующих властей. «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятый Советом Народных Комиссаров РСФСР 23 января 1918 г., стал первым нормативным актом, расставляющим приоритеты в вопросах религиозной жизни в советском государстве. Наряду с этим дополнительно были изданы организационно-распорядительные документы, регламентирующие данный процесс на республиканском и местных уровнях. Активно начали формироваться комиссии по отделению церкви от государства.

Действующий режим был заинтересован не только в зависимом положении религиозных учреждений, но и в отъеме их материальной базы в свою пользу, поскольку пополнение казны в сложных революционных условиях было жизненно необходимо в самые кратчайшие сроки.

Самым быстрым и эффективным способом приращения капитала стала национализация банковских вкладов религиозных организаций. Изъятия были произведены немедленно¹.

Затем фокус внимания был перемещен на ритуальные церковные предметы, представляющие большую историко-культурную и материальную ценность, с реализации которых можно было получить внушительные средства в золотых рублях на зарубежных аукционах².

Но предсказать реакцию населения на процесс изъятия культовых предметов было весьма сложно, за этим могли последовать стихийные митинги и недовольства верующих.

К тому же все культовое имущество на местах прошло юридический процесс национализации и учета согласно описям и предоставлялось в пользование коллективам верующих на основании договоров пользования, зарегистрированных местными отделами юстиции³.

Однако советской власти удалось переломить ситуацию в свою пользу, используя события, разыгравшиеся вследствие страшной засухи, начиная со второй половины 1921 г. В этот трагичный год тотальный голод поразил 16 губерний России, голодали около 37 миллионов человек, из них погибли свыше 5 млн⁴. Гуманитарная

¹ ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 109. Л. 56–56 об.

² Там же. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 15.

³ Там же. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 109. Л. 43–43 об.

⁴ Неурожай: Государственная помощь голодающему району в 1921 г.: Отчетные материалы Наркомпрод по вопросам помощи голодающим. М.: Государственное изд-во, 1922. С. 34.

катастрофа позволила советской власти легализовать изъятие церковных ценностей на борьбу с голодом, большая часть которых пошла на другие нужды, в том числе на поддержку большевистского режима [Иванов 2015, с. 38].

Постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 11 ноября 1921 г. создается специальная Главная комиссия по учету и сосредоточению ценностей под руководством особоуполномоченного Совнаркома РСФСР Л.Д. Троцкого, в функции которой входила организация работы и контроль по сосредоточению изделий из драгоценных металлов, валюты, художественных и иных ценностей из банков, церквей и т. д. и дальнейшая их реализация. Деятельность носила секретный характер. Ценные предметы культа свозились в Гохран (Государственное хранилище ценностей Наркомфина), где осуществлялась постановка на учет в Главмузее (Главном комитете по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы Народного комиссариата по просвещению РСФСР).

Для форсирования ситуации 16 февраля 1922 г. опубликовано постановление ВЦИК «Об изъятии церковных ценностей для реализации на помощь голодающим», где на законодательном уровне был легализован отъем церковного имущества у верующих.

Сроки проведения кампании по изъятию ценностей были регламентированы концом мая 1922 г., но на местах, в связи с возникновением различных трудностей, таких как сопротивление верующих, стихийное расхищение имущества, отсутствие транспорта и мест для хранения ценностей, кампания затягивалась на более длительные сроки. В отдельных регионах она продлилась вплоть до 1925 г.

В регионах были сформированы местные комиссии в составе «троек» по изъятию ценностей, куда входили заведующий губфинотделом, председатели губЧК и Губвоенкомата. Для деятельности комиссий были разработаны специнструкции с указаниями по организации, учету, изъятию и отправке ценностей в Гохран.

Церковное имущество, прошедшее оценку согласно описям, подразделялось на историко-художественные предметы, материальные ценности и имущество обиходного характера. К оценочной работе были подключены сотрудники органов юстиции, музеев, отделов народного образования, ювелиры. Историко-художественные ценности изымались в Госфонд, материальные ценности реализовывались государством через финансовые органы, а для церковных нужд оставлялись предметы обихода, не представлявшие особой ценности для государства⁵.

На все изъятые ценности составлялись описи в трех экземплярах и в сопровождении конвоя перегружались на спецвагоны для

⁵ ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 1.

дальнейшей транспортировки в Гохран. О всех собранных на местах ценностях требовалось немедленно телеграфировать с пометкой «Секретно» заместителю особоуполномоченного Совнаркома Назилевичу в Гохран⁶.

Кампания имела своей целью не только привлечение дополнительного финансирования для формирования золотого резерва и поддержки режима советской власти, но и являлась политическим рычагом для репрессий в отношении Православной Церкви как идеологического врага – путем внесения в нее раскола. Той же участи подверглись и другие конфессии [Бадмаева 2017]. В этом направлении усиленно велась активная агитационная работа с привлечением средств массовой информации.

Вот как эта ситуация выглядела на страницах газеты «Борьба» Балашовского уездного исполнительного комитета РКП(б) Саратовской губернии. С 10 марта 1922 г. начинают выходить антирелигиозные заметки, целью которых являлось изобличить церковь как «жадный и зажиточный элемент». Такой характер имели статьи «Вокруг церковных ценностей» от 10 марта, «Отцы духовные», «Поповский продналог» от 24 марта, «Церковь и голод», «Бог голодных» от 29 марта, «Золото и хлеб», «Суд над Христом» от 9 апреля, «Собрание верующих города Балашова», «Хоть бы копейку...», «Наивность или лицемерие» от 15 апреля и многие другие⁷.

В приведенных статьях акценты были расставлены так, что сама церковь, священнослужители остались в стороне от трагедии голода. В одной из статей под названием «Суд над Христом», которую можно считать скрытым призывом к грабежу церковей, автор художественным слогом излагает свой рассказ, как группа обезумевших от голода людей врывается в храм и корит Христа за то, что он обрек их на мучения. Это дало им моральное право разгромить храм и вынести из него все ценное, чтобы спасти свои жизни.

Автор статьи «Голод и Христос» заходит с другой стороны. Он упрекает священнослужителей в искажении заповедей Христа. Обвиняет их в участии в политических процессах, припомнив события Первой мировой войны, где духовенство выступило в поддержку военных событий, благословляя на братоубийство. На фоне разыгравшейся антирелигиозной кампании в России на местах также начинает вестись активная работа в этом направлении. В данной статье автор не обошел вниманием и этот момент, говоря о реакции саратовского духовенства следующее: «Это черствое, формальное, скажем прямо, политическое отношение к голодающим! И аргументация все та же: нельзя помогать, пока большевики!

⁶ Там же. Ф. Р–184. Оп. 1. Д. 18. Л. 9–9 об., 10.

⁷ Там же. НСБ. Ед. хр. 312. № 46. С. 3.

Нансен говорит: можно – и помогает, а патриарх Тихон говорит: нельзя. Отчего, как Нансен, он не едет в Поволжье, к своей голодающей пастве? Отчего уже давно не продал церковных сокровищ и не превратил их в хлеб? Отчего не предотвращает, без политики, а с любовью стольких смертей? Отчего забыл о Христе?»⁸

Однако многие священнослужители и прихожане добровольно призывали население жертвовать ценности, отдавая все самое дорогостоящее [Нуйкина 2017]. Другие отказывались, посчитав, что они могут пойти совсем на другие цели. Все это способствовало запланированному расколу в рядах Православной Церкви. Под идеологическим гнетом она разделилась на старую и обновленческую церковь – по сути, управляемую советской властью⁹.

Из секретной телеграммы ЦК РКП(б), адресованной Саратовскому губисполкому 15 апреля 1922 г., о работе с лояльным к советской власти духовенством: «...ответственным секретарям Губкомов и Предгубкомов принять меры к тому, чтобы взять на учет лояльные элементы духовенства и побудить их выступить против нынешней церковной иерархии, которая выступила контрреволюционно против Советской власти и обнаружила свою злую волю и бессилие и тем скомпрометировала себя. Лояльные элементы духовенства должны получить уверенность, что Советская власть, не вмешиваясь во внутренние дела церкви, не позволит контрреволюционным иерархам расправляться над демократическим элементом духовенства. Надо всемерно подталкивать лояльных попов на лозунг нового поместного собора для смещения контрреволюционного патриарха. Но ни Губкомы, ни Губисполкомы ни в коем случае не участвуют в этой работе официально или открыто. Инициатива должна исходить от демократических попов и верующих мирян. Работу в указанном смысле надлежит вести энергично, дабы довести до конца то движение, которое возникло в недрах церкви на почве изъятия ценностей. Председатель ЦК РКП(б) Сталин»¹⁰.

На страницах газеты «Борьба» начинают появляться заметки о всемерной помощи советских организаций и иностранных миссий и личном вкладе граждан в дело помощи голодающим, противопоставляя бездействие официальной церкви. Но вместе с тем приводятся заметки о добровольной сдаче серебра отдельными церквями и коллективами верующих Саратовской губернии и Балашовского уезда. Сведения по изъятию имущества публиковались в местных официальных изданиях.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Ф. Р–184. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

¹⁰ Там же. Ф. Р–521. Оп. 4. Д. 26. Л. 89.

Вместе с тем на страницах газеты идет высмеивание нового религиозного течения. В сатирической статье «Лоно церкви», опубликованной 25 мая 1922 г., высмеивается заседание съезда «Живой церкви», на котором снимают анафему с Пугачева и Распутина, провозглашая их борцами за права рабочего человека, и с ангельской помощью переносят их из ада в рай¹¹.

Публикуются сводки об изъятии церковных ценностей в Балашовском уезде. В качестве примера можно привести сводку «Что изъято из балашовских церквей» о состоянии сдачи церковного имущества на 10 мая 1922 г.: «Из Архангельской церкви: верхняя доска и четыре угольника с евангелия, крест наперсн., ковш, чаша, дискос, звезда, лжица, две тарелочки, две лампады, кадило и двадцать пять риз с икон, общий вес – два пуда двадцать девять фунтов шестьдесят золотников»¹².

В первые месяцы проведения кампании коллективам верующих разрешалась замена церковного имущества продуктовым эквивалентом, поскольку такая помощь голодающим была более адресной и быстрой. Но эта практика не прижилась, поскольку за счет нее не шло пополнение государственной казны, и ее запретили, разрешив замену ценного церковного имущества равным количеством серебра и золота. Позже практика замены церковных ценностей проводилась уже в полуторном эквиваленте. Однако советские власти считали и это недостаточным и наложили полный запрет на замену.

Поначалу акцент делался на изъятии золотых предметов культа как эквиваленте золотых рублей в расчетах с зарубежными биржами. Но когда их объем не оправдал ожиданий действующих властей, акцент сместился в пользу серебряных изделий и драгоценных камней. Золотые и серебряные вещи оценивались как лом, и их цена была минимальна. Большое количество церковных ценностей было утрачено и разворовано как населением, так и отдельными ответственными лицами. Некоторую часть удалось спасти самоотверженными священнослужителями и прихожанами.

Кампания по изъятию ценностей приняла ускоренные темпы и более жесткие методы. В итоге, как и планировалось, в большинстве регионов ее удалось закончить в мае 1922 г.

По результатам проведения кампании местные власти составляли итоговый перечень изъятых ценностей с количественным указанием драгоценных металлов и камней и телеграфировали сводки в вышестоящие органы.

В Саратовской губернии работа по изъятию ценностей в г. Саратове, согласно отчетной телеграмме в ЦК Помгол (центральная

¹¹ Там же. НСБ. Ед. хр. 312. № 93. С. 3.

¹² Там же. Инв. № Г-т Борьба № 50 от 10 мая 1922 года.

комиссия помощи голодающим), была окончена 20 мая 1922 г. В уездах эта работа несколько затянулась, окончить ее планировалось к 28 мая.

В результате проведенной кампании по губернии было изъято: серебра – 154 пуда 9 фунтов 5 золотников и 73 доли¹³; золота – 7 золотников и 25 долей; 15 бриллиантов и 7 розочек по 2 карата, 4 бриллианта по 0,5 карата, 4 алмаза по 0,5 карата, 4 бриллианта по 0,75 карата и 24 маленьких алмаза. Жемчужная риза с 35 маленькими бриллиантами на 8,5 карат, 5 изумрудов на 8 карат, 35 мелких изумрудов и 33 рубина в крестах. По уездам собрано серебра – 54 пуда 10 фунтов 87 золотников и 73 доли; золота – 2 фунта 8 золотников и 31 доля; бриллиантов на 40 карат¹⁴.

Официально комиссия по сосредоточению и учету церковных ценностей была расформирована 6 июня 1922 г., однако сводки по изъятию церковного имущества по Балашовскому уезду прослеживаются вплоть до 8 июля 1922 г.

28 июня выходит агитационная статья «Церковный «февраль» о действиях церковных «революционеров» в рамках новой «Живой церкви», целью которой будет изжить все старые церковные устои и полностью пересмотреть подход к вере, искоренив в службах старославянский язык, убрав церковную атрибутику и церковные облачения¹⁵.

По опубликованным данным ВЦИК, в результате проведения кампании было реализовано церковных ценностей на сумму 7 574 162 золотых руб. 05 коп, из которых передали в Главмузей предметы стоимостью лишь 426 514 руб. 31 коп.

С закупкой зерна на вырученные деньги советские власти не спешили, сделав ставку на собственный высокий урожай осенью 1922 г. Власти безответственно полагали, что проблема практически изжита, и объявили об окончании кампании по борьбе с голодом, хотя только в одном Аткарском уезде Саратовской губернии осенью 1922 г. голодало около 39 000 тысяч взрослого населения, не считая детей¹⁶. В октябре зерно большей частью было распродано за рубеж.

Эта была роковая ошибка советской власти, точнее – преступление перед своим народом. Впереди у страны были новые испытания...

¹³ Меры веса: пуд – 16,38 кг; фунт – 409,5 г; золотник – 4,26 г; доля – 0,04 г.

¹⁴ ГАСО. Ф. Р–184. Оп. 1. Д. 18. Л. 33.

¹⁵ Там же. НСБ. Ед. хр. 312. № 69. С. 1.

¹⁶ Там же. Ф. Р–790. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

Литература

- Бадмаева 2017 – *Бадмаева Е.Н.* Ускоренное «решение религиозного вопроса» партийно-государственным аппаратом в Калмыкии (1917–1924 гг.) // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 97–116.
- Иванов 2015 – *Иванов С.Н.* Финансы и политика в реализации изъятых в 1922 г. церковных ценностей // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 5. С. 38.
- Нуйкина 2017 – *Нуйкина Е.Ю.* Законодательные инициативы советской власти в области религиозной политики: 1917–1920-е гг. // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 209–222.

References

- Badmaeva, E. (2017), “The accelerated ‘Settlement of the Religious question’ by the Bolshevik party and the Soviet State apparatus in Kalmykia (1917–1924)”, *The New Historical Bulletin*, vol. 53, no. 3, pp. 97–116.
- Ivanov, S.N., (2015), “ Finance and politics in the sale of church valuables seized in 1922” // *Bulletin of PSTGU II: History. History of the Russian Orthodox Church*. . No. 5, p. 38.
- Nuikina, E., (2017), “Legislative initiatives of the Soviet power in the field of religious policy. 1917–1920s”, *Herald of an Archivist*, no. 4, pp. 209–222.

Информация об авторе

Анастасия Г. Колдина, Государственный архив Саратовской области, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, ул. Кутякова, д. 15; a.coldina@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7911-9773

Information about the author

Anastasia G. Coldina, State Archives of the Saratov Region, Saratov, Russia; bld. 15, Kutyakova St., Saratov, Russia, 410012; a.coldina@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7911-9773